

Дроздова Р. А.
R. A. Drozdova

МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

YOUTH SUBCULTURE AS SUBJECT OF CULTUROLOGICAL REFLECTION

Дроздова Рита Алексеевна – аспирант Восточно-Сибирского государственного университета технологий (г. Улан-Удэ), руководитель городского выставочного центра им. В. С. Роголя (Россия, г. Иркутск); 664000, г. Иркутск, ул. Халтурина, 3. E-mail: drozdova@irkmuseum.ru.

Ms. Rita A. Drozdova – a post-graduate student, East Siberia State University of Technology (Ulan-Ude), head of the city exhibition center named after V.S. Rogal, (Russia, Irkutsk). 664000, Irkutsk., Khalturin str., 3. E-mail: drozdova@irkmuseum.ru.

Аннотация. В статье рассмотрена специфика современной молодежной субкультуры как самостоятельной подсистемы внутри базовой культуры российского общества, культивирующей молодежную систему ценностей, норм и форм поведения, специфическое отношение к отдельным артефактам культуры: моде, технике, зрелищам, развлечениям. Обозначены способы социализации молодежи в российском реформируемом обществе: традиционный, смешанный и путь адаптации в обществе через неформальные молодежные объединения (посредством молодежной субкультуры). Составлена характеристика асоциальных молодежных групп, структурированы «сепаратные» молодежные субкультуры, позволяющие выделить асоциальные группы, члены которых характеризуются девиантным поведением, в том числе криминогенные группы, некоторые религиозные объединения, имеющие черты фанатизма и экстремизма. Выделены ценностно-ориентационные модели поведения молодежи: стремление к достижению материального успеха при отказе от ограничений в выборе средств его достижения законными средствами; отказ от социальных ценностей, моральных норм и нравственных идеалов образа жизни традиционного общества, в основе которого лежит установка на респектабельность, социальный престиж, материальное благополучие; утверждение в качестве высшего принципа удовольствие, иррационализм, гедонизм как ведущих доминант человеческого поведения, морали вседозволенности, значимости «сегодня» и «теперь» в качестве основного модуса человеческого бытия.

Summary. The article deals with specifics of youth subculture as independent subsystem in the basic culture of the Russian society cultivating set of youth values, norms and forms of behavior; the specific relation to separate artifacts of culture are considered such as fashion, engineering, shows, entertainments. Among the ways of youth socialization in the Russian reformed society the author designates traditional and mixed ones as well as the way of adaptation in the society through informal youth associations (by means of youth subculture). The record of asocial youth groups is made, the “separate” youth subcultures permitting to single out asocial groups which members are characterized by deviant behavior, including the criminal groups, some religious associations having traits of fanaticism and extremism are structured. Value-orientation behavior patterns of youth are picked out: drive to material success paying no attention at choice of means including legal means; freedom from social values, moral norms and moral ideals of living activities in the traditional society. All of the specific features are based on respectability, social prestige, material welfare. Pleasure as the highest principle, irrationalism, hedonism as the dominants of human behavior, the moral of permissiveness, the importance of "today" and "now" as the main modus of human life dominate.

Ключевые слова: молодежная субкультура, культурные артефакты, система ценностей молодежи, сепаратные молодежные субкультуры.

Key words: youth subculture, cultural artifacts, set of youth values, separate youth subcultures.

УДК 7.03

Многочисленные отечественные и зарубежные исследования показывают, что процессы адаптации и социализации, приобщение к «доминантным» экономическим, социальным и культурным ценностям, которых придерживается большинство членов общества, представляют для современной молодежи серьезную проблему, связанную с неуверенностью в будущем и разочарованностью в прогрессе. Не случайно среди молодежи угрожающие размеры приобретают сегодня наркомания и СПИД. Российская молодежь, вышедшая из традиционной изоляции и благополучия советского периода, быстро наверстывает «упущенное», догоняя в этом отношении своих западных сверстников.

Как и большинство населения страны, молодежь связала переход к новому демократическому обществу с надеждой на улучшение своего материального положения, социальное и идеологическое раскрепощение, повышение общественного статуса личности. Реальность же затянувшегося переходного периода отодвинула эти надежды на неопределенное будущее. Безусловно, у подобной тревоги есть немалые основания.

Культура молодежи является одним из важных условий и факторов ее социализации, но, вместе с тем, имеет противоречивую природу. С одной стороны, она отделяет молодежную культуру от культуры общей, с другой – способствует освоению ценностей, норм, социальных ролей человеческого сообщества, чем предопределяет его обновление.

В структуре современной культуры молодежная субкультура России (в частности, Иркутской области), отличается периферийностью (провинциальностью) своего положения, обусловленной обособленными задачами субкультуры. Она детерминирована влиянием ценностей Западно-европейской молодежно-подростковой субкультуры, более активна и креативна, чем субкультура взрослых. Молодежная субкультура амбивалентна (не является свободным цельным и законченным образованием), неоднородна и включает в себя множество разных, подчас враждебных друг другу течений. Как и все молодежные явления, она взаимопроникаема и изменчива, реальна и относительно самодостаточна.

Молодежная субкультура имеет ряд характеризующих ее культурных артефактов: собственный язык (сленг), конгломерат ценностей и норм поведения, которые стали предметом внимания, работающих на удовлетворение молодежных вкусов, одежды, чувства групповой солидарности, определенных символов подросткового поведения и ритуалов общения.

В связи с вышеизложенным приходим к выводу, что молодежная субкультура является относительно самостоятельной подсистемой внутри базовой культуры общества, насаждающей собственно молодежную систему ценностей, норм и форм поведения, специфическое отношение к отдельным артефактам культуры: моде, технике, зрелищам, развлечениям. Молодежная субкультура, с одной стороны, является своеобразной формой адаптации к нормам, ценностям, образу жизни общества, а с другой – попыткой изменения или корректировки старой и создания новой системы моральных ценностей.

Сама по себе молодежная субкультура – это всегда система ценностей, норм поведения, вкусов, форм общения, отличная от культуры взрослых и наполняющая жизнь молодого человека новыми для него ощущениями бытия. В настоящее время молодежная субкультура получила особенно интенсивное развитие, которое обусловлено акселерацией, усилением групповых форм общения, коллективными формами труда и урбанизированного проживания, глобальным развитием средств коммуникации вообще и медиасредств в частности.

Для определения важнейших факторов культурного мира современной молодежи с позиции культурологии выявим сущность понятия «субкультура» (лат. «sub» – под, подчиненный, неосновной, расположенный внизу), которое входит составной частью в теоретический раздел науки культурологии. По мнению П. С. Гуревича, «субкультура – это суверенное целостное образование внутри господствующей культуры»; «...субкультурные образования, в известной мере, автономны, закрыты и не претендуют на то, чтобы заместить собою господствующую культуру, вытеснить ее как данность». В то же время, по мнению ученого, «субкультурные тенденции в обществе во

многим вызваны к жизни стремлением официальной культуры заполнить собой все поры социального организма». В теоретико-методологическом плане для нас принципиальное значение имеет мысль П. С. Гуревича о том, что «субкультуры обладают стойкостью и в то же время не оказывают воздействия на генеральный ствол культуры; они рождаются, живут и устраняются, а ведущий ствол культуры при этом сохраняется», и чаще всего их появление «обусловлено различиями между поколениями» [4, 450 – 452].

Специфику молодежной субкультуры определяет Е. Н. Шапинская, отмечая ее особенность в «помещенности в контекст современной культуры в целом, которая носит фрагментарный, плюралистичный характер, что размывает оппозицию доминантной культуры и культуры меньшинства и изменяет отношение субкультур к доминантным нормам и ценностям». По ее мнению, «после великих потрясений 1960-х и 1970-х молодежная субкультура теряет оппозиционный, нигилистический пафос контркультуры и превращается в один из фрагментов мозаики современной культуры» [14, 74 – 75].

Смысл молодежной субкультуры заключается в самовыражении и выработке собственного социального статуса, признаваемого окружающими. Это способствует возникновению во всем мире неформальных молодежных объединений, творящих свою собственную культуру. С. И. Левикова отмечает: «Неформальные группы выступают идеальным «тренировочным полем», в них молодой человек упражняется в исполнении ролей, которые ему предстоит сыграть в обществе, а чем масштабнее социальные преобразования и динамичнее общества, тем сильнее тенденция к образованию неформальных групп, продуцированию ими субкультуры» [11, 242].

В российском реформируемом обществе перед молодежью открываются три возможных способа социализации: традиционный, смешанный и путь адаптации в обществе через неформальные молодежные объединения, иными словами, посредством молодежной субкультуры. Рассмотрим эти варианты. Существует немало «нормальных» подростков, избравших традиционный путь социализации, что вовсе не означает игнорирование ими молодежной музыки, ношение молодежной одежды или посещение дискотек. Данный факт свидетельствует о том, что родители в этом подростке вовремя признали «равного» и помогли ему пройти социализацию традиционно, не прибегая к экстремальным способам, и в формальной группе подросток занял соответствующее его потребностям место.

С молодежной же субкультурой мы имеем дело в тех случаях, когда семья или школа не справляются с задачей традиционной социализации личности. При этом и неблагополучные, и достаточно обеспеченные семьи «поставляют» обществу приверженцев молодежной субкультуры.

Неформальные молодежные объединения продуцируют собственную культуру, основной отличительной чертой которой является скорость или быстрота освоения, передачи, распространения, изменения чего-либо. Для молодежной субкультуры не характерно то, чему необходимо долго учиться, на что надо тратить длительное время. Она проявляется в экспрессивных видах искусства: популярной музыке, ритмических танцах, речи (жаргоне), манере поведения, групповой морали, атрибутах внешнего облика (прическе, одежде, украшениях, гриме, татуировках и т.д.). Как правило, каждая неформальная молодежная группа имеет свою семантику, по которой молодые люди отличают своих от чужих.

В целом же молодежная субкультура потенциально тяготеет к отклоняющемуся от общепризнанных норм поведению, почти всегда содержит элементы социальной дезорганизации, что также проявляется в молодежных субкультурах г. Иркутска и Иркутской области, так как именно молодежные неформальные объединения, в конечном счете, призваны способствовать адаптации молодежи к нормам, ценностям и образу жизни общества.

Наряду с общепринятым термином в современной гуманитарной аналитике используются и другие, пограничные с молодежной субкультурой понятия. Так, например, И. В. Шубина использует понятие «сепаратные молодежные субкультуры» с целью четкого выделения из общего числа молодежных объединений только те асоциальные молодежные группы, члены которых характеризуются девиантным поведением (отклоняющимся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся общественных норм). Свою позицию она объясняет так: «Характеристика сепарат-

ных молодежных субкультур, носителями которой являются асоциальные группы – это своего рода схема, с помощью которой исследователь приступает к изучению отдельных лиц, индивидуализируя их, устанавливая, обладает или нет конкретный субъект свойствами и качествами, которые характеризуют группу в целом» [15, 249].

Следует отметить, что использование такого подхода весьма перспективно, так как знание общих тенденций в формировании групп с сепаратно-субкультурной системой ценностей способно обеспечить объективное прогнозирование поведения отдельных их представителей, что создает прочную основу для разработки мер упреждающего характера их противоправного поведения.

Не случайно особую тревогу в последние два десятилетия вызывает ярко выраженная тенденция бурного роста подростково-молодежной преступности. Анализ статистических данных МВД Российской Федерации, УВД Иркутской области свидетельствует, что значительная доля всех правонарушений несовершеннолетних (примерно 70 – 75 %) совершается в подростково-молодежных группах, возникающих стихийно, для совместного проведения времени [1, 105].

Основными носителями молодежных субкультур так называемого сепаратного направления являются автономные группы, содержащие элементы социальной дезорганизации, имеющие относительно устойчивую систему ценностно-нормативных предписаний, образцов поведения, тяготеющих к отклоняющимся от общепризнанных, жесткую внутригрупповую структуру с приоритетом связей по вертикали. Подобные общности маргинальны по отношению к обществу, им свойственно внутреннее единообразие и внешний протест против общепринятых установок. Они отличаются жесткой дисциплиной и организованностью, агрессивностью, ярко выраженной асоциальной направленностью, во многих случаях связью с уголовным миром.

Кроме того, носителями сепаратных молодежных субкультур в российских городах являются криминогенные группы, организующие массовые драки с целью контроля за определенной территорией; группы в молодежных общежитиях, основанные на идее господства «стариков» над новичками и учиняющие драки и расправы с «чужаками»; группы, образованные по признаку принадлежности к отдельному учебному заведению или этническому признаку, с националистической окраской действий; криминально-ориентированные лидеры и участники досуговых групп, отдельные личности, деятельность которых характеризуется попытками активного утверждения «субкультурных» ценностей, распространением наркотиков, вовлечением лиц из своего социального окружения в противоправную деятельность.

Доктор культурологии, профессор В. Л. Кургузов, считает, что «с полным основанием к сепаратным следует отнести и некоторые религиозные объединения, имеющие черты фанатизма и экстремизма, и оказывающие деструктивное влияние на личность их участников, например: «Белое братство Марии Деви-Христос», «Свидетели Иеговы», «Секта Муна» и др. [8, 24].

Социальной базой развития сепаратных молодежных субкультур являются подростки и юноши, оставшиеся вне сферы социально-педагогической опеки и внимания общества (несовершеннолетние из люмпенизированных семей, семей беженцев и переселенцев, «трудные» подростки из образовательных учреждений, дети из детских домов и интернатов, безнадзорные, беспризорные и пр.). По отношению к ним используются самые разнообразные способы рекрутирования, основанные на знании закономерностей поведения несовершеннолетних в неформальных группах.

Влияние групп с сепаратно-субкультурной системой ценностей на личность несовершеннолетнего часто прямо пропорционально уменьшению влияния социальных институтов общества (семьи, образовательных и социально-культурных учреждений, трудовых коллективов), призванных оказывать позитивное воздействие на развитие личности молодого человека. В этих случаях группа с асоциальной направленностью становится более привлекательной для определенной части молодежи. Это проявляется, во-первых, в связи с наличием в ней широкого поля деятельности, окрашенной романтикой и таинственностью, включающей риск, экстремальные ситуации и возможности для самоутверждения. Во-вторых, со снятием моральных ограничений, отсутствием запретов на получение любой информации, касающейся, прежде всего, личности. В-третьих, в связи с учетом состояния возрастного одиночества, переживаемого подростком и обеспечением ему в «своей» группе физической и психологической защиты от агрессии извне. Специфику отношений

в группах с сепаратно-субкультурной системой ценностей определяет ряд факторов, среди которых: альтернативная общественной системе ценностей и норм идеология, жесткая структура взаимоотношений, психологическая зависимость от лидера и асоциальная деятельность группы в целом.

Как отмечает В. Л. Кургузов, «изгнав на волнах ельцинской перестройки идеологию из стен учебных заведений и трудовых коллективов (что само по себе тоже идеология), мы сами обрекли молодежь на неспособность разобраться в мозаике идеологических доктрин, объективно существовавших и существующих в любом обществе. Уходя в жизнь из стен учебного заведения, молодые люди в период реформаций общества и плюрализма мнений сталкиваются с «букетом» самых разнообразных идеологических доктрин, с которыми они не способны самостоятельно разобраться – они их «не проходили...» [9, 73].

Идеологию сепаратных субкультур характеризует разрушение традиционных культурных ценностей, подмена их суррогатами. Идеологическому воздействию в них, в первую очередь, подвергаются «универсальные для большинства мировых культур ценности. Это, прежде всего, признание безусловной ценности человеческой жизни, уважение личности, ее прав и свобод, понимание равноценности и значимости иных культур, уважение старших по возрасту, опека детей, женщин, нетрудоспособных, соблюдение общепринятых норм сексуального поведения, гуманное отношение к животным, сохранение среды обитания, негативная оценка пьянства, токсикомании, суицида и т.д.» [8, 25].

Для культурологического анализа молодежных сепаратных субкультур важна аксиологическая характеристика их содержания, ибо любая культура – это, прежде всего, система ценностей. В системе сепаратно-субкультурных ценностей в связи с этим условно можно выделить несколько ценностно-ориентационных моделей.

Первая из них выступает альтернативой нормативному (с точки зрения морали и права) поведению и возникает в условиях стремления к достижению материального успеха при отказе от ограничений в выборе средств его достижения законными средствами. Распространенные в наши дни социально-психологические установки «делать деньги» (часто нечестным трудом), подавлять конкурентов, прославлять культ победителя и успеха становятся доминирующими. Развитие личности при этом обретает функционально-дисгармоничный характер, происходит ее частичное отчуждение от общего культурного пространства (сужение круга интересов, потребностей, среды общения) и почти полный разрыв с традиционной культурой.

Достижение материального благополучия с помощью «легких» денег и «красивой» жизни, в том числе преступным путем, становится максимально притягательной, особенно в крупных городах России: Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Омске, Красноярске, Иркутске и других, где расслоение общества достаточно велико и примеры достижения материального успеха, символы богатства наиболее очевидны. Как справедливо полагает Ю. Д. Крамова, «Возможность использовать законные средства достижения этих целей и их наличие (исходный капитал, получение кредитов, близость к центрам власти, доступность квалифицированной рабочей силы и т.д.) уменьшается по мере удаления от таких центров» [7]. В подобную ситуацию попадают, как правило, пригородные зоны крупных городов и малые города России. Например, всем известны преступные группировки подмосковных регионов Солнцево, Малаховка, Люберцы, Подольск, Балашиха и т.д.

Вторая модель противоположна первой, представляет собой открытый отказ от социальных ценностей, моральных норм и нравственных идеалов образа жизни традиционного общества, в основе которого лежит установка на респектабельность, социальный престиж, материальное благополучие. Этот отказ, как правило, выражается в негативном отношении к культурным достижениям, к культурному наследию человечества и равнодушию ко всему происходящему. Кризисное состояние личности, характеризующееся ощущением потери смысла жизни, духовной опустошенностью, проявляется в готовности уйти от проблем, компенсируется употреблением алкоголя и наркотиков либо «бегством от реальности», уходом в мистику, обращением к различным формам богоискательства.

Источником моральных представлений в сфере иррационально-мистического для молодежи являются соответствующие книги, массовые издания, все увеличивающееся число людей, интересующихся эзотерикой, экстрасенсорикой, парапсихологией, телекинезом и т.д. По мнению С. Н. Волкова, «нравственный опыт приобщения к мистицизму либо вообще неприятие иррационально-мистического передается и усваивается в процессе общения, наблюдения и подражания через призму мистического страха» [2, 102]. С. Кьеркегор в работе «Страх и трепет» указывал на то, что «...страх наступает из-за чего-то внешнего, из-за чего-то, что лежит за пределами человека... Страх – это возможность свободы, только такой страх абсолютно воспитывается силой веры, поскольку он пожирает все конечное и обнаруживает всю его обманчивость» [10, 11].

Применительно к вышеизложенному мы рассматриваем страх как эмоции молодежи в ситуации угрозы социальному существованию индивида. На фоне экономической нестабильности, психологического дискомфорта, моральной неудовлетворенности этот страх, как эмоция, должен быть направлен на конкретный источник действительной или предполагаемой опасности и угрозы. В случае неопределенного и неосознанного для молодого человека источника опасности возникающее состояние страха представляется тревогой.

Проведенное обследование учащихся профессионально-технических лицеев города Иркутска путем компьютерного тестирования показало, что около 55 % молодых людей испытывают чувство тревожности [3, 21]. Именно тревожность выглядит наиболее опасным фактором в процессе духовного становления молодого человека, поскольку она обычно повышена при нервно-психических и тяжелых соматических заболеваниях, а также у здоровых людей, переживших последствия психологической травмы. Чувство мистического страха нередко испытывают молодые люди с отклонениями в своем социальном поведении.

Высокий уровень тревожности в обществе подтверждает, что потенциально оно может склоняться в своих убеждениях и взглядах в сторону мистицизма. В свою очередь это свидетельствует о нездоровом психо-эмоциональном климате, который складывается в обществе, особенно в периоды радикальных перемен.

Третья ценностная модель характеризуется утверждением в качестве высшего принципа удовольствие, иррационализм, гедонизм как ведущие доминанты человеческого поведения, морали вседозволенности, значимости «сегодня» и «теперь» в качестве основного модуса человеческого бытия. Отождествление с подобной моделью требует сознательного отказа от системы традиционных ценностей и замены их псевдоценностями, псевдоидеалами. Отсюда сегодняшняя открытость интимных связей, массовые оргии, употребление алкоголя и наркотиков, отрицание возможности социального контроля, спонтанное проявление чувств, предпочтение невербальных способов консолидации.

Таким образом, основной чертой поведения в рамках вышеперечисленных моделей выступает деструктивность, проявляемая как в активной форме отчуждения человека от культуры, социума, в стремлении его разрушить и тем самым предупредить разрушение собственной индивидуальности (по меткому выражению Э. Фромма – «извращенная форма стремления к жизни»), так и в пассивной форме отчужденности, равнодушии, уходе от реальности, то есть достижении состояний, блокирующих продуктивную активность личности [12].

Существенным результатом влияния, производимого асоциальной группой на ее члена, является эффект деиндивидуализации (термин Ф. Зимбардо) [5, 58 – 103]. Деиндивидуализация (обезличивание) проявляется в утрате человеком осознания самого себя как автономной, самостоятельной личности, отказавшейся от самостоятельной оценки своих поступков. По мнению В. Г. Осипова, условия деиндивидуализации способствуют «некритическому усвоению норм поведения, отказу от собственных взглядов, включают такие психологические характеристики, как случайная степень стереотипизации мышления и поведения, жаргон, скудный словарный запас, ярко выраженный индивидуализм, безразличие к окружающим» [12, 38].

В свою очередь, эффект деиндивидуализации приводит к размыванию индивидуальной ответственности по принципу «все так делали». Суммарным последствием подобных процессов является возможность совершения индивидами таких поступков в группе, так как групповое дей-

ствие повышает эмоциональное возбуждение, обеспечивает взаимное заражение настроением, взаимно усиливает устремление к достижению результата. В подобных условиях также утрачивается чувство личной ответственности, что открывает дорогу для группового вандализма, насилия, воровства, грабежа или иных форм агрессивного поведения.

«Анонимность группового поведения, – пишет И. С. Кон, – рождает чувство личной безответственности, безнаказанности и усиливает эффект эмоционального заражения. Юноша может не испытывать никакого желания вступить в драку, но когда это делает его более агрессивный товарищ, он поддерживает его из чувства групповой солидарности и по какой-то непонятной ему самому эмоциональной инерции» [6, 109]. В таком случае личность теряет себя, растворяясь в групповых эмоциях и чувстве групповой безответственности.

На основании вышеизложенного следует отметить, что введение подростка в сепаратно-субкультурную систему нормативно-ценностных регуляторов поведения, в иерархию этих ценностей, их символизацию, нормы употребления, использования, понимания, механизмов социокультурной идентификации личности формирует стереотипы, нормы, паттерны ментальности в сознании и поведении несовершеннолетнего. Основные параметры сознания, поведения и деятельности носителей сепаратных субкультур строятся по принципу отрицания общекультурных и социальных норм.

Под влиянием, оказываемым группой с сепаратно-ценностной системой отношений, несовершеннолетний «социализируется» в антисоциальном смысле. Он включается в систему норм, разделяемых асоциальной группой, психологически открывает для себя путь к совершению преступления, нейтрализуя воздействие правовых запретов, совершает действия противоправного характера. Относительная культурная автономия, присущая молодежной субкультуре, может легко перерасти в абсолютную: культура может стать отчужденной от человека и даже враждебной ему.

Таким образом, молодежная субкультура является относительно самостоятельной подсистемой внутри базовой культуры общества, культивирующей собственно молодежную систему ценностей, норм и форм поведения, специфическое отношение к отдельным артефактам культуры. При этом молодежная субкультура, с одной стороны, является своеобразной формой адаптации к нормам, ценностям, образу жизни общества, с другой – попыткой изменения или корректировки старой и создания новой системы моральных ценностей. Она проявляется в экспрессивных видах искусства: популярной музыке, ритмических танцах, стиле речи (жаргоне), в манере поведения, в групповой морали, в атрибутах внешнего облика – прическе, одежде, украшениях, гриме, татуировках и т. д. Как правило, каждая неформальная молодежная группа имеет свою семантику, по которой молодые люди отличают своих от чужих.

Упомянутая оценка молодежи весьма спорна, но она присуща большинству взрослых практически во все времена и во всех странах мира. Влияние групп с сепаратно-субкультурной системой ценностей на личность несовершеннолетнего часто прямо пропорционально уменьшению влияния социальных институтов общества, призванных оказывать позитивное воздействие на развитие личности молодого человека. Идеологию сепаратных субкультур характеризует разрушение традиционных культурных ценностей, подмена их суррогатами. Идеологическому воздействию в них в первую очередь подвергаются «универсальные для большинства мировых культур ценности.

Кроме того, влияние идеологии современной массовой культуры с нравственными установками достижения материального успеха любой ценой проявилось в ценностно-ориентированных моделях сепаратных субкультур, выступающих альтернативой законному его достижению, в открытом отказе от социальных ценностей, моральных норм и нравственных идеалов образа жизни традиционного общества, в утверждении гедонизма как доминанты человеческого поведения, принципа вседозволенности в качестве основного модуса человеческого бытия.

Следовательно, сепаратные молодежные субкультуры являются носителями деструктивных ценностей, противоправных норм поведения, служат источником асоциального влияния внутри группы в соответствии с принятыми в ней нормами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева, Л. С. Понятие «культурная политика» в свете современных научных представлений: материал Всероссийской научно-практической конференции / Л. С. Васильева. – Омск, 2003. – С. 105.
2. Волков, С. Н. Неомистицизм в современной молодежной среде / С. Н. Волков // Культура. Политика. Молодежь. – М.: Наука, 1996. – С.102.
3. Глазунов, И. В. Региональные особенности институционализации государственной молодежной политики в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Глазунов Иван Васильевич. – М., 2007. – С. 21.
4. Гуревич, П. С. Культурология. XX век.: словарь / П. С. Гуревич. – СПб., 1997. – С. 450-452.
5. Зимбардо, Ф. Влияние и поведение / Ф. Зимбардо, М. Ляйппе // Социальное влияние. – СПб., 2000. – С. 58-103.
6. Кон, И. С. Психология юношеского возраста / И. С. Кон. – М.: Просвещение, 1979. – С. 109.
7. Крамов, Ю. Д. Ещё раз о малом и среднем бизнесе / Ю. Д. Крамов // Московский комсомолец. – 2002. – 14 января.
8. Кургузов, В. Л. Культура и политика. Семиотика культуры: сб. науч. ст. / В. Л. Кургузов. – Улан-Удэ: ФГБОУ ВПО «ВСГТУ», 2000. – С. 24.
9. Кургузов, В. Л. Культурологический портрет подростка. Мораль и общество / В. Л. Кургузов // Общество глазами молодежи: материалы науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Белиг, 2004. – С. 73, 249.
10. Кърнегор, С. Страх и трепет / С. Кърнегор. – М.: Наука, 1993. – 242 с.
11. Левикова, С. И. Место техники в системе ценностей молодежной культуры. Вып. 4 / С. И. Левикова. – М.: ОНС, 2001. – С. 180-182.
12. Осипов, В. Г. Человеческий фактор ускорения / В. Г. Осипов. – М.: Социс, 1987. – С. 16.
13. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм; пер. с нем. – М.: АСТ, 2006. – 640 с.
14. Шапинская, Е. Н. Телевидение и жизненный мир российской молодежи. Культурология от прошлого к будущему / Е. Н. Шапинская. – М.: РИК, 2002. – С. 74-75.
15. Шубина, И. В. Сепаратные молодежные культуры как фактор девиации в подростково-молодежной среде / И. В. Шубина. – СПб.: Культ-Информ пресс, 2002. – С. 76.